

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

X [1]).

Учитель музыки Мадвейсъ.—Красавица англичанка и ея мнимый кузенъ.—Праздники въ Огаревѣ. — Святки, капитанъ Тетеревъ. — Гаданія, елка.—Пасха. — Чуркина барыня.

Мятель въ полномъ разгарѣ, вѣтеръ такъ и завываетъ свою грустную пѣсню... Но намъ, дѣтямъ, не холодно, не скучно и мы сидимъ у камина въ четырехъ-аршинной комнаткѣ, около любящей насъ матери! Слышимъ шумъ въ передней и незнакомый голосъ... входитъ человѣкъ и докладываетъ, что пріѣхалъ какой-то господинъ и ужасно бранится. Мама̀ идетъ сама узнать, въ чемъ дѣло, мы также за ней побѣжали и, остановившись въ дверяхъ, услышали ломанный французскій языкъ и объясненіе, что онъ Madveiss: «perdu, retrouvé et envoyé par le prince Goerges». За чаемъ, онъ разсказалъ намъ исторію своего исчезновенія изъ кареты. Отецъ, заснувши крѣпко, такъ придавилъ его, что ему очень неудобно было сидѣть, и когда ѣхали лѣсомъ, шагомъ, онъ выскочилъ изъ кареты, расправить свои уставшіе члены, но кучеръ, не замѣтивъ этого, погналъ лошадей и онъ остался въ лѣсу; не зная, куда ему идти дальше, онъ рѣшилъ возвратиться назадъ. Уставши идти пѣшкомъ по песку, онъ радъ былъ увидѣть обозъ, приближающійся къ нему, и желая сказать мужикамъ нѣсколько любезныхъ словъ, онъ началъ гово-

---

[1]) См. «Рус. Стар.», 1897 г., май, стр. 357.

рить имъ: «Эта рѣка широка, какъ Ока; какъ, какъ Ока? такъ, какъ Ока!» Мужики расхохотались, принимая его вѣроятно за дурачка, а онъ, видя ихъ веселое расположеніе духа, пустился съ ними въ разговоръ и умильнымъ тономъ заговорилъ по-русски, думая, что одна изъ фразъ его русскаго репертуара, попадетъ на просьбу довезти его. Но, о ужасъ! Оказалось, что репертуаръ его состоялъ изъ однихъ бранныхъ словъ! Мужики, прежде хохотавшіе, разсердились и чуть не прибили его.

Его преподаватель русскаго языка былъ мой отецъ; онъ не забылъ свои шалости юности и потѣшался надъ нѣмцемъ, заставляя его говорить на разные нѣжные тоны—бранныя слова!

Услыхавъ разсказъ Madveiss'а, мамà конечно догадалась, почему онъ, войдя къ намъ, встрѣтилъ лакея такими комплиментами. Но Madveiss хотѣлъ увѣрить мамà, что теперь князь перемѣнилъ ему репертуаръ русскихъ словъ и онъ можетъ безъ страха говорить что нибудь любезное. Мамà же, изъ страха услышать его репертуаръ, поспѣшила его разочаровать и увѣрить, что проказникъ ея мужъ, любившій посмѣяться, повторилъ съ нимъ ту же шутку, и что въ Огаревѣ онъ долженъ забыть свой русскій языкъ. Madveiss оказался милѣйшимъ человѣкомъ, серьезнымъ и великолѣпнымъ музыкантомъ. Онъ исключительно игралъ классическую музыку: Баха, Моцарта, Бетховена, Генделя и т. п. Съ ранняго дѣтства слушая классиковъ, я полюбила эту музыку и только она можетъ на меня сдѣлать сильное впечатлѣніе. Самъ Madveiss очень не дурно сочинялъ. Таня, тогда еще не начинала учиться, но когда онъ игралъ, она часто приходила его пугать, изображая изъ себя «волка» крадучись къ нему она завывала: «у-у-у!» Онъ написалъ для нея пьеску подъ заглавіемъ: «Tanischka est loup». Madveiss побылъ у насъ не долго, кажется съ годъ. Впослѣдствіи я часто жалѣла о краткомъ его пребываніи; такъ какъ мы всѣ имѣли хорошія способности къ музыкѣ, онъ могъ бы сдѣлать изъ насъ пьянистокъ. Мамà познакомилась съ однимъ изъ своихъ родственниковъ А. Я. Потемкинымъ, который воспитывалъ у себя двухъ племянницъ. Пріѣхавъ разъ къ намъ, онъ пришелъ въ такой восторгъ отъ Madveiss'а, присталъ къ мамà, чтобы она ему уступила его, увѣрилъ, что мы еще малы для такого учителя, а племянницы очень нуждаются въ хорошемъ преподавателѣ музыки; обѣщался ему прибавить 200 р., и мамà по своему великодушію уступила Madveiss'а.

Съ отъѣздомъ его у насъ никого не было, кто игралъ бы на фортепіано, а залъ манилъ насъ танцовать, тогда мамà съ m-me de Laveau играли намъ на гребешкахъ и подъ эту музыку мы танцовали. Большое удовольствіе для насъ было, когда пріѣзжалъ настройщикъ, тогда балъ бывалъ въ полномъ разгарѣ и по тогдашнимъ нашимъ понятіямъ съ настоящей музыкой. Впрочемъ, не долго оставались мы безъ преподава-

тельницы музыки. Мамà пригласила къ намъ 18-ти лѣтнюю очень красивую англичанку (по матери русскую) хорошую музыкантшу съ спокойнымъ и симпатичнымъ характеромъ. Но гувернантки съ романами насъ не покидали. Проживши нѣсколько мѣсяцевъ, miss J*** попросила позволенія у мамà принять своего двоюроднаго брата, на что, конечно, получила разрѣшеніе. Разъ, за урокомъ, дѣвушка подаетъ ей записочку, прочитавъ ее, miss вся измѣнилась въ лицѣ и выскочила изъ классной; мы за нею. Оказалось, что ея кузенъ пріѣхалъ и проситъ позволенія явиться въ домъ. За нимъ послали, и она представила его: «мой кузенъ Н. Н. Чернопятовъ». Уроки шли своимъ порядкомъ, несмотря на то, что мамà предлагала ей оставить ихъ на время визита кузена, но она, какъ очень исполнительная, не захотѣла этого. Когда она бывала занята съ нами, онъ громко читалъ мамà «Чужое имя» романъ соч. Ахшарумова, который печатался въ «Русскомъ Вѣстникѣ». M-me de Laveau не вѣрила, что Чернопятовъ—кузенъ miss J*** и хотѣла увѣрить въ томъ же и мамà, но она, по своей душевной чистотѣ, даже сердилась на m-me de Laveau за подобное подозрѣніе. Послѣ отъѣзда кузена, недолго и miss оставалась у насъ. M-me de Laveau была права. Оказалось, что г. Чернопятовъ былъ мнимый кузенъ и былъ никто другой, какъ женихъ нашей красивой англичанки, и подъ чужимъ именемъ—настоящее его имя было Д—въ. Странное стеченіе обстоятельствъ! Читать романъ «Чужое имя» въ томъ домѣ, гдѣ самъ былъ подъ чужимъ именемъ. Разъиграли они этотъ романъ у насъ, потому что родные его, не позволяли жениться на ней, и онъ скрывалъ, что ѣздилъ ее навѣщать.

Наканунѣ именинъ мамà мы праздновали и проводили весь день у нашего законоучителя, отца Александра; это былъ день его ангела.

Мы очень любили и уважали нашего батюшку, онъ былъ прекрасный священникъ и отличной души человѣкъ. Въ годъ нашего пріѣзда въ Огарево, онъ овдовѣлъ и у него остались на рукахъ двѣ маленькія дѣвочки и сынъ. Мамà приняла большое участіе въ его горѣ. Дѣвочки его приходили къ намъ учиться и праздники проводили съ нами, играя въ «волки» съ такимъ же увлеченіемъ какъ и мы. Въ гостяхъ у батюшки, мы играли въ разныя игры, весь день грызли орѣхи, кушали карамели и пряники, которыми насъ угощали, и какъ все это казалось тогда вкуснымъ! Въ семь часовъ мамà присылала наши любимыя сани-розвальни и мы всей компаніей ѣхали домой. Тамъ насъ ждалъ освѣщенный домъ, убранный къ празднику, накрытый столъ съ образами, зажженныя лампадки, и мамà, одѣтая по праздничному. Всѣ становились по мѣстамъ, и всенощная начиналась. Какое-то радостное чувство охватывало меня при мысли, что завтра—день ангела дорогой мамà, а въ особенности радостно бывало на душѣ, когда былъ приготовленъ какой

нибудь хорошій сюрпризъ; Катенька была мастерица ихъ дѣлать. Батюшка служилъ очень торжественно и хорошо.

Обыкновенно бывало, что во время всенощной въ передней слышался шумъ, Евграфъ пробѣгалъ черезъ зало, и мы ужъ знали навѣрное, что кто нибудь пріѣхалъ изъ нашихъ друзей. И вслѣдъ за этимъ изъ дверей или выглядывала красивая бѣлокурая головка Вѣры Юрловой, или съ нею вмѣстѣ потихоньку входили въ зало кузины наши Потемкины, и мы всѣ, привѣтствуя другъ друга взглядами, не сходили съ своихъ мѣстъ, а продолжали молиться! Послѣ всенощной, всѣ подходили къ мама̀ поздравить ее съ наступающимъ праздникомъ, а потомъ уже раздавались наши поцѣлуи съ друзьями.

Святки мы проводили очень весело; несмотря на то, что у насъ ни гостей, ни кавалеровъ не было, но мы умѣли веселиться однѣ. Всю недѣлю наряжались и плясали. Я была мастерица придумывать и устраивать разные костюмы, и всѣ отплясывали подъ звуки гармоніи до упада.

Одно время у насъ была гувернантка очень высокая и любившая наряжаться мужчиною, но мужскаго костюма по ея росту не оказалось, и мама̀ взялась скроить ей его по ея мѣркѣ; разложила выкройки на столѣ въ залѣ и занялась кройкой. Вдругъ, дверь отворилась и появился на порогѣ какой-то господинъ въ военномъ мундирѣ. Мама испугалась при видѣ мужчины (отъ нихъ огаревскія жительницы отвыкли), застающаго ее за такой нескромной работой, и не узнавши незваннаго гостя, замахала руками и закричала: «уходите, уходите!» Господинъ этотъ былъ становой Несмѣловъ, носящій удачно свою фамилію. Онъ такъ испугался и сконфузился, что, закрывъ за собою поспѣшно дверь, хотѣлъ ретироваться, но наши барышни, увидя кавалера, хотя и жалкаго, но все же кавалера, упавшаго какъ съ неба, поспѣшили убрать со стола нескромныя принадлежности туалета и попросили войдти г. Несмѣлова.

Любили мы наряжаться въ героинь Гоголевскихъ, Фонвизина и т. п. и являясь къ мама̀, представляли разныя сцены, изображая Коробочку, Пульхерію Ивановну, Матрофанушку и т. п. Иногда наряжали горничныхъ и предварительно учили ихъ тѣмъ ролямъ, въ которыхъ онѣ должны были явиться къ княгинѣ. Только пріѣхалъ разъ вечеромъ какой-то капитанъ Тетеревъ съ женой. Евграфъ пришелъ доложить. Мама̀, привыкшая къ нашимъ шуткамъ, была въ полной увѣренности, что это кто-нибудь изъ ряженыхъ. Входитъ капитанъ съ супругою и подходя къ мама̀, говоритъ: «Позвольте, ваше сіятельство, представиться, я—капитанъ Тетеревъ, человѣкъ бѣдный, слышавъ такъ много о вашей добротѣ» и т. д... Мама̀, увѣренная, что это ряженые, смотритъ во всѣ глаза, и не вставая съ дивана, разсматриваетъ капитана кругомъ, стараясь въ немъ узнать кого нибудь изъ своихъ, и говоритъ: «Да кто же это? Матреша? Агаша?» Мы, въ ужасѣ дѣлаемъ мама̀ знаки, но

она ихъ не замѣчаетъ и продолжаетъ стараться кого нибудь узнать, говоря: «Нѣтъ не узнаю!» Капитанъ Тетеревъ въ недоумѣніи отвѣчаетъ: «Я—капитанъ Тетеревъ, человѣкъ больной»... Мы продолжаемъ дѣлать знаки, а мама̀ продолжаетъ разговоръ какъ съ ряжеными: «Какъ мнѣ васъ жаль! Что̀ же у васъ болитъ? И какая у васъ странная фамилія... Да кто же это наконецъ? Груша?» Хохотъ душилъ насъ, и мы уже закричали: «mais, maman, ce sont de vrais personnages c'est un vrai capitaine!» [1]).

Есть ли одна русская деревенская барышня, которая не гадала бы!?.. Я думаю, такой не найдется. Да и какъ не увлечься русскими преданіями, не вспомнить, какъ въ старину боярышни гадали. Все располагаетъ и манитъ въ тихій, свѣтлый, морозный зимній вечеръ выйдти на дворъ, пробѣжать по скрипучему снѣгу къ воротамъ, бросить башмачекъ, лечь на бѣлый снѣгъ, взять его въ руку и бѣжать опять въ домъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли волоса въ растаенномъ снѣгѣ и какого онъ цвѣта? Такъ и мы, когда сдѣлались дѣвицами, и когда въ голову стали закрадываться мысли о невѣдомомъ суженомъ, то всѣ эти гаданья заинтересовали насъ. Приносили также пѣтуха, пѣвали подблюдныя пѣсни; тогда еще оставшіяся изъ крѣпостныхъ горничныя все это знали до тонкости; пѣли намъ пѣсни; каждая своей любимой княжнѣ мостила мостики и клала королей подъ подушку, а на другой день, улыбаясь, освѣдомлялась, что̀ видѣла княжна, кто̀ черезъ мостикъ ее переводилъ?

Когда къ намъ во время святокъ съѣзжались нѣсколько барышень и молодыхъ людей, намъ подавали нѣсколько розвальней (онѣ остались наши любимые сани), и усѣвшись въ нихъ, отправлялись въ село подслушивать подъ окна и спрашивать имена прохожихъ, которые бывали рѣдки, такъ какъ деревенскій людъ рано отправлялся на отдыхъ, и однѣ собаки, перепуганныя и недовольныя нашимъ появленіемъ не въ урочный часъ, лаяли, бросаясь издали на насъ... Конечно, не вѣра въ гаданье увлекала насъ, а увлекала молодость, жаждущая веселья и хватающаяся за все, лишь бы повеселиться и оживленнѣе провести время. Чѣмъ молодость не тѣшится!

При словѣ е л к а, возвращаюсь къ дѣтству и къ маленьколу домику съ соломенной крышей.

Въ день, когда должна быть елка, насъ всегда отправляли къ батюшкѣ, чтобы мы не видѣли всѣ заготовленные сюрпризы. Какая радость охватывала насъ, когда за нами присылали! Мы знали, что все готово, все горитъ огнями, и подарки насъ ждутъ! Подъѣзжая къ дому въ окна уже видны были мелькающіе огоньки... Мама̀ насъ встрѣчала сіяющая, и мы не знали куда намъ бѣжать, когда растворялись

[1]) «Мама! Это настоящій капитанъ».

двери—цѣловать-ли дорогую мамочку, бѣжать ли искать подарки или остановиться, любоваться на чудную елку?!... Увидя три домика для куколъ, нашему восторгу не было конца! они такъ-же были освѣщены какъ и нашъ домикъ, тамъ была не только разная мебель, но и фортепіано, и люстра, зажженая разноцвѣтными свѣчами и даже клѣтки съ птицами, а куклы преважно сидѣли разодѣтыя на диванѣ, ожидая своихъ маленькихъ хозяекъ. Когда куклы перестали насъ занимать, мать намъ дарила много хорошихъ книгъ, и у насъ составилась очень хорошая библіотека, дарила намъ также свои вещи, напримѣръ: въ 13 лѣтъ я получила часы съ брильянтами, и m-me de Laveau приходила въ ужасъ, говоря:

— Mais, chère princesse qu' allez-vous donc donner à vos filles, quand elles auront 17 ans?

— Eh! M-me de Laveau,—отвѣчала мама, si j'aurai quelque chose de mieux, je le leur donnerai, si non, elles s'en passeront [1]).

Она такъ любила дѣлать удовольствія, что ей хотѣлось все отдать поскорѣе, что имѣла. Передъ рожденіемъ или именинами которой-нибудь изъ насъ, готовились столики съ подарками и ставились самой мамà, когда виновница праздника спала, около ея кровати. И чего, чего не было на этомъ столикѣ, который отнималъ у меня сонъ и какъ магнитъ притягивалъ къ себѣ. Проснешься бывало, темно еще, и начнешь рукой потихоньку щупать всѣ вещи и разгадывать, что бы это такое было?

Какъ рождественскіе праздники ни радовали насъ, какъ ни веселились мы на святкахъ, а приближеніе Великаго, Свѣтлаго праздника—нельзя было сравнить ни съ какой радостью, ни съ какимъ весельемъ; что-то небесное, святое—ощущала душа въ ночь Свѣтло-Христова Воскресенія!.. Весь великій постъ, въ свободное отъ уроковъ время, мы работали на бѣдныхъ, на церковь и готовили подарки матери; а въ это время Катенька читала намъ евангеліе. Это были счастливѣйшіе минуты нашей жизни, когда мы около дорогой матери, въ ея маленькомъ кабинетѣ слушали слово Божіе. Начиная съ пятницы Страстной недѣли мы готовились къ свѣтлому празднику и съ нетерпѣніемъ ожидали его.—Передъ заутренею мы одѣвались во все бѣлое, шли въ церковь и съ особеннымъ благоговѣніемъ ожидали пѣнія «Христосъ Воскресе». Похристосовавшись съ священникомъ и матерью, мы радостные и веселые возвращались домой. Тамъ, первый встрѣчалъ насъ Евграфъ, въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ; такъ было весело, что и Евграфъ казался не такимъ, какъ обыкновенно, и съ нимъ христосовались, съ

---

[1]) „Но, дорогая княгиня, что же вы подарите своимъ дочерямъ, когда имъ будетъ по 17-ти лѣтъ?“

—„Если у меня будетъ что нибудь лучшее, я то имъ подарю, а если нѣтъ то онѣ обойдутся и безъ подарка“.

особеннымъ чувствомъ. Потомъ бѣжали въ столовую, гдѣ громадный столъ былъ уставленъ разными блюдами, и по прибытіи священника разговлялись.

Въ этотъ день всегда пріѣзжала къ намъ одна бѣдная дама, извѣстная надъ именемъ «Чуркиной барыни». Она бѣдненькая, на одной лошадкѣ, подъѣзжала къ дѣвичьему крыльцу; поднималась въ дѣвичью, усиживалась и кушала съ аппетитомъ все, что ей приносили, и получивъ отъ мама́ помощь, уѣзжала. Похожа она была на сову, въ своемъ бѣломъ чепчикѣ съ оборками, и страшные глаза ея на выкатѣ пугали насъ. Она была дворянка и интересна только тѣмъ, что имѣла лишь одного крѣпостнаго мужика, Чуркина, который служилъ ей во всемъ и даже своимъ именемъ, такъ какъ ея фамилію мало кто зналъ, а всѣ знали ее подъ именемъ «Чурки́на барыня».

Разсказываютъ, что она въ молодости вышла замужъ, противъ желанія родныхъ, которые ей ничего не дали, исключая одного только Чуркина, и похоронивъ мужа, она стала окончательно бѣдствовать и даже съ горя стала попивать. Крѣпостной ея человѣкъ остался ей вѣрнымъ слугой и кормилъ ее до конца ея жизни. Онъ развозилъ свою барыню по сосѣднимъ помѣщикамъ, которые ей помогали.

XI.

Жизнь наша въ Огаревѣ.—Пріѣздъ брата и его характеристика. — Отъѣздъ отца заграницу.—Возвращеніе его въ Россію и пріѣздъ въ Огарево. Отъѣздъ въ Москву.—Бабуша А. М. Павлова. — Пріѣздъ отца въ Петербургъ и жизнь въ Гостилицахъ.—Вторичный отъѣздъ заграницу. - Свиданіе съ А. И. Герценомъ.—Послѣдствія этого свиданія и изданіе брошюры дѣда.—Опала и жизнь отца въ Козловѣ.

Жизнь наша въ Огаревѣ, которую мать сравнивала съ жизнью женскаго монастыря, текла мирно, тихо, и казалось всѣ были довольны, всѣ счастливы; но сердце нашей матери не могло быть покойно, и часто я замѣчала въ глазахъ ея слезы. Тогда я робко подходила къ ней, желая приласкаться; она обнимала меня, и мы обѣ плакали. А когда бывало, сидя у окна въ своемъ крошечномъ кабинетѣ, мама потихоньку напѣвала:

Тяжело, не стало силы
Ноетъ грудь моя,
Злое горе до могилы
Дотащу ли я?..

мое маленькое сердечко тогда такъ больно сжималось, и я или убѣгала въ дѣтскую и тамъ, уткнувшись въ подушку, горько плакала, или подхо-

дила къ кіоту, брала образъ Спасителя, крѣпко прижимала его къ груди и просила спасти маму и папу.

Самою большою радостью для Огарева былъ пріѣздъ брата Евгенія изъ Морскаго корпуса. Евгеній, получилъ спартанское воспитаніе. Пяти лѣтъ отецъ посадилъ его безъ сѣдла на лошадь и гоняя на кордѣ, выучилъ мальчика держаться, а вскорѣ и ѣздить самостоятольно верхомъ. Очень рано онъ выучилъ его плавать, приказывая бросаться съ tremplin, и самъ, плавая великолѣпно, подхватывалъ сына, когда видѣлъ, что онъ выбивался изъ силъ. Съ семи лѣтъ, онъ отданъ былъ въ Тамбовскій кадетскій корпусъ. Вотъ случай изъ того времени, когда онъ былъ кадетомъ. Мать какъ-то взяла его съ собою въ Петербургъ. Тамъ, гуляя съ нею каждый день въ Лѣтнемъ саду, маленькій кадетъ просилъ одѣть его по формѣ.

— Вотъ увидите. мамаша, говорилъ онъ, что я получу выговоръ отъ начальства и меня посадятъ въ карцеръ.

— Ну кто замѣтитъ такого маленькаго человѣчка, какъ ты?—отвѣчала мать.

Однако выговоръ не замедлилъ послѣдовать, хотя добрый и кроткій. Однажды Женя, отдалившись отъ матери, прибѣжалъ весь красный и запинаясь сказалъ:

— Вотъ видите мамаша, я говорилъ вамъ, что въ Петербургѣ нельзя быть кадету не по формѣ! Мнѣ самъ наслѣдникъ замѣтилъ это. Онъ спрашивалъ меня, съ кѣмъ я здѣсь? я отвѣтилъ—съ мама̀. Такъ скажи твоей мама́, сказалъ онъ, что я прошу ее обмундировать тебя какъ слѣдуетъ, а то государь увидитъ тебя и будетъ очень недоволенъ.

— Зачѣмъ же ты побѣжалъ показываться наслѣднику, замѣтила мать,—я тебѣ говорила, чтобъ ты не смѣлъ уходить далеко отъ меня.

— Я увидѣлъ отвѣчалъ мальчикъ наслѣдника съ дѣтьми, съ которыми я игралъ у принца Ольденбургскаго, и мнѣ захотѣлось поздороваться съ ними.

Черезъ нѣсколько дней мама́ утѣшила своего маленькаго кадета, обмундировала его по всѣмъ правиламъ и пошла съ нимъ опять въ Лѣтній садъ. Когда Женя увидѣлъ наслѣдника, онъ не вытерпѣлъ, забылъ приказаніе матери не удаляться отъ нее, опрометью бросился къ нему на встрѣчу и, ставъ во фронтъ, отдалъ ему честь. Наслѣдникъ, потрепавъ его по плечу, сказалъ: «Ну, теперь ты молодецъ».

Обращаясь къ отцу я должна сказать, что послѣ разлуки съ семьей онъ не могъ долго остаться въ Салтыкахъ и, поручивъ дѣло и хозяйство своему другу Р—ву, уѣхалъ заграницу. Передъ выѣздомъ изъ имѣнія онъ 3-го марта 1856 г. писалъ ему:

«Посылаю тебѣ, любезный другъ, образъ Святителя Николая, съ которымъ я еще никогда не разставался; прошу тебя его принять отъ

меня, какъ доказательство неподдѣльной моей къ тебѣ любви и какъ залогъ вѣчной моей признательности! Быть можетъ, что наше вчерашнее прости—было послѣднее! Итакъ прости—прими этотъ образъ отъ друга твоего и моли Угодника подкрѣпить душу раба Юрія».

При этомъ письмѣ отецъ прислалъ въ Знаменскую церковь 200 руб. Въ письмѣ изъ Берлина онъ писалъ 29-го мая: «Я счастливъ, дорогой другъ, что могу доказать вамъ этимъ письмомъ, что ни разстоянія, ни ваши предположенія, никогда не измѣнятъ преданной любви Юрія Голицина къ семейству Р—выхъ.

«Сегодня, завтра и будущее воскресенье—знаменательные дни для Знаменскаго. Думаю, что сегодня пріѣхала мой другъ Юлія [1]) ваша дорогая дочь, и такъ примите мои искреннія поздравленія. Мое путешествіе очень интересно, но между тѣмъ и очень грустно.

«Я съ большимъ вниманіемъ все осматриваю, и нѣмцы народъ весьма дѣльный, и главное практичный; здѣсь даже собаки съ намордниками бѣгаютъ—Редутъ [2]) здѣсь не разгулялся-бы!

«Передайте Аркадію, что Мейерберъ, узнавъ о моемъ присутствіи въ Берлинѣ и о томъ, что я справлялся о немъ, пришелъ самъ ко мнѣ и цѣлый день мы пробыли вмѣстѣ. Онъ написалъ новую оперу и отправляется ее ставить въ Парижъ, гдѣ конечно мы будемъ часто съ нимъ бесѣдовать. Сегодня я выѣзжаю въ Дрезденъ. Сѣровъ со мною не поѣхалъ, обѣщалъ меня догнать. Журналъ я свой веду подробно [3]), Въ Штетинѣ пробылъ день и ѣздилъ за городъ осматривать поля. Конечно въ Россіи, въ самый урожайный годъ ни у кого я не видѣлъ такой ржи и пшеницы, какіе растутъ у нѣмцевъ на песчаномъ грунтѣ и на буграхъ. Лошади, на которыхъ пашутъ—не стыдно въ Питерѣ по Невскому проѣхать! свиней моютъ ежедневно съ мыломъ, чуть не завиваютъ!

«Андрей потерялъ мои часы; для начала не дурно, что дальше будетъ! Надѣюсь, что путешествіе для ума будетъ полезно, но для сердца—пусто! Прощайте, друзья мои; не забывайте искренняго вашего друга Юрія Голицина».

Эта поѣздка князя послѣ разлуки съ семьей не была продолжительна, такъ какъ въ августѣ того-же года онъ былъ на коронаціи, о чемъ я уже говорила выше, въ своихъ воспоминаніяхъ. Послѣ коронаціонныхъ торжествъ онъ поѣхалъ въ Огарево съ цѣлью просить жену вернуться къ нему въ Салтыки, но не засталъ ея. Мать моя, также соскучившись по мужѣ, поѣхала сама къ нему и на пути у друзей своихъ Р—выхъ узнала,

[1]) Юлія Ар. Р—ва была тогда замужемъ и возвращалась изъ-за границы послѣ voyage de noce. Вышла замужъ она за З—та.

[2]) Собака-водолазъ.

[3]) Къ сожалѣнію журналъ этотъ не найденъ.

что князь только что поѣхалъ къ ней. Она, переночевавъ у Р—выхъ, спѣшила вернуться назадъ, надѣясь застать его у себя.

Въ Огаревѣ-же отецъ остался очень не долго—все ему тамъ было не по вкусу и онъ постоянно восклицалъ: «Здѣсь настоящая Сибирь! какъ можно тутъ жить?» Въ особенности чувствовалъ онъ себя далеко не на просторѣ въ маленькомъ кабинетѣ жены своей: вошедши туда—онъ занялъ своей особой всю комнату и, задѣвъ плечомъ этажерку, поронялъ разныя фарфоровыя вещицы. Желая поддержать то, что падало—онъ взмахомъ руки уронилъ круглый столикъ, и все что было на немъ разбилось. Впослѣдствіи помѣщеніе наше было постепенно увеличено и каждый годъ къ дому что нибудь да пристраивалось: то спальни, то большое зало съ резонатомъ, однимъ словомъ, въ короткое время домъ въ Огаревѣ, имѣвшій 8 комнатъ, постепенно увеличился до 30, и соломенная крыша превратилась въ желѣзную.

Я обожала отца и радовалась, что вижу его, но все-таки испытывала невольный страхъ въ его присутствіи и какое-то чувство отчужденія, которое меня мучило. На другой день его пріѣзда мы нѣсколько попривыкли и даже рискнули спѣть ему хоромъ солдатскую пѣсню: «Солдатушки ребятушки!» Не умѣя правильно дѣлать удареніе, мы пѣли: «солдату̀шки-ребяту̀шки!»... Отецъ сейчасъ-же насъ остановилъ: поставилъ насъ передъ собою въ рядъ и велѣлъ пѣть за нимъ произнося, «солда̀тушки-ребя̀тушки!»... и т. д. Потомъ пошли мы съ нимъ гулять, но прогулка ему еще менѣе понравилась, чѣмъ все остальное и даже разсердила его. На немъ былъ надѣтъ какой-то большой широкій плащъ; когда онъ вышелъ на улицу и подбоченясь сталъ оглядывать окрестности Огарева, то фигура его и безъ того большая, показалась еще больше, и ребятишки, высыпавшіе на улицу, такъ испугались внушительнаго вида отца, что моментально всѣ исчезли и попрятались за ворота. Привыкшій, что въ Салтыкахъ весь народъ, отъ мала до велика, встрѣчаетъ своего князя съ поклонами и привѣтами, онъ остался недоволенъ, что старшіе не внушаютъ дѣтямъ почтенія къ своимъ господамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы дѣти не считали его пугаломъ, онъ послалъ за лакомствомъ, велѣлъ собрать всѣхъ ребятъ, и мы бросали имъ пряники.

На обратномъ пути въ Салтыки, онъ встрѣтилъ мама̀ на почтовой станціи; но почему каждый изъ нихъ поѣхалъ своей дорогой—все это осталось тайной... Отецъ пріѣзжалъ въ Огарево осенью, а зиму того-же 1856 года мать моя со мною провела въ Петербургѣ, у бабушки Т. Б. Потемкиной, гдѣ я была больна безнадежно тифомъ, отецъ же въ то время находился въ Москвѣ, съ своимъ хоромъ, гдѣ давалъ концерты, серьезно занимался музыкой и предался окончательно музыкальному дѣлу. Онъ пріѣхалъ навѣстить насъ въ Петербургъ и привозилъ своихъ

пѣвчихъ, которые пѣли въ большой залѣ дома Потемкиныхъ. Воодушевляясь музыкой, которая часто благотворно дѣйствуетъ и смягчаетъ душу человѣка, отецъ писалъ 13-го марта 1857 г. своему другу Р—ву, что онъ уѣзжалъ изъ Москвы на нѣсколько дней въ Петербургъ, чтобы «про водить свою жену, и очаровательную Лелю, которую Богъ милосердіемъ Своимъ возвратилъ къ жизни.

«Я такъ здѣсь (въ Москвѣ) занятъ, прибавлялъ онъ, музыкой и такъ работаю усердно и добросовѣстно, что рѣшительно могу сказать, что не имѣю четверти часа свободнаго. На 400 р. сер. выписалъ партитуръ изъ Германіи: всего Гайдна, Марчелло, Керубини, Палестрино и учусь оркестровкѣ Je voue décidément à présent toute mon existence à la musique; je renonce à tout et je me fais artiste [1]), Пока тебѣ пишу, Елагинъ съ Мальковымъ [2]) играютъ мнѣ увертюру Гайдна: «Judas Maccabée», c 'est sublime! Какое блаженство! Обнимаю тебя, моего искренняго друга: передай твоей женѣ, что на свѣтѣ я признаю и люблю свято только музыку, жену съ дѣтьми (мою) и всѣхъ васъ—Знаменскихъ друзей.

«Никогда, никогда васъ не забуду, до послѣдняго издыханія. Я надѣюсь, что жена твоя, а въ особенности моя добрая «Бабуша» me rendront justice (отдадутъ мнѣ справедливость). Пишу, а слезъ удержать не могу, вспомня всѣхъ васъ!.. Прощай!.. Другъ вашъ Юрій.

P. S. Ожидаю Катю [3]) для концерта въ воскресенье».

Посылая при этомъ свой портретъ А. А. Р—ву, князь написалъ на немъ:

Портретъ ты мой хотѣлъ имѣть,
Спѣшу тебѣ его представить!
А то, боюсь такъ растолстѣть,
Что на листѣ ужь не уставить!

А «Бабушѣ»—Аннѣ Михайловнѣ Павловой, отецъ прислалъ красивый футляръ для картъ, на крышкѣ котораго были эмалированныя карты, означающія въ гаданіи: исполненіе желанія, любовь, дружбу, и выбито слѣдующее стихотвореніе:

---

[1]) Я положительно посвящаю себя музыкѣ, отказываюсь отъ всего и дѣлаюсь артистомъ.

[2]) Мальковъ былъ взятъ отцомъ моимъ маленькимъ мальчикомъ изъ крестьянской семьи села Салтыковъ въ пѣвчіе; потомъ сдѣлался регентомъ и помощникомъ отца, выучился играть на фортепіано и впослѣдствіи давалъ уроки музыки.

[3]) Т. е. жену свою; а ей онъ написалъ слѣдующую телеграмму: „Концертъ въ пятницу, въ часъ; признаюсь, что твое отсутствіе меня огорчитъ. Отвѣть сейчасъ. Твой другъ Юрій"; и другую: „Выѣзжалъ тебя встрѣчать въ Тверь и съ грустью по ошибкѣ ночью поцѣловалъ какую-то рожу. Твой мужъ Голицынъ". Безъ шутокъ отецъ не могъ жить.

Бабуша! Вы въ памяти моей живете!
И карты мысль мою вамъ изъяснятъ.
Въ нихъ исполненіе желаній вы найдете,
Съ эмблемой вѣчной—васъ любить!

Анна Михайловна Павлова, рожденная Соковнина (Бабуша—какъ всѣ ее звали), была большимъ другомъ нашего поэта Жуковскаго, который въ молодости былъ ея поклонникомъ; она любила поэзію, много знала наизусть стихотвореній и сама часто, обращаясь къ своимъ друзьямъ, говорила и писала стихами. Вотъ одно изъ ея стихотвореній, сказанное экспромптомъ, въ которомъ она рисуетъ такъ откровенно свой милый портретъ:

Все тотъ же капоръ обветшалый,
Все тотъ же чепчикъ на боку!
Все то же платье—„цвѣтъ увялый!"
Но въ томъ увѣрить васъ могу:
Все то же сердце неизмѣнно...

Въ 1856 году ей было 72 года, и она написала тогда слѣдующее стихотвореніе:

А мнѣ все не спится,
Куда какъ тяжело!
Въ умѣ все вертится
Одно, да одно!
Есть что-то такое,
Что спать не даетъ!
То горе лихое
Такъ сердце и жметъ.
Ужь это мнѣ горе!
Куда жь его сбыть?
Какъ бурное море,
Кипитъ и крутитъ.
И нѣтъ мнѣ покоя
Ни ночью, ни днемъ...
Всегда насъ съ нимъ двое,
Вдвоемъ и умремъ!

Лѣтомъ, въ 1857 году, отецъ продолжалъ усердно заниматься музыкой и готовилъ пѣвчихъ къ концертамъ, пріискивая возможность продать свой хоръ. Въ періодъ этого времени онъ хлопоталъ также о мѣстѣ директора пѣвческой капеллы или директора императорскихъ театровъ; были у него также дѣла и по имѣнію. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ онъ долженъ былъ побывать въ Петербургѣ. Мать моя, оставивъ насъ въ Огаревѣ съ m-me de Laveau, поѣхала также въ Петербургъ къ мужу, но большую часть времени гостила у Т. Б. Потемкиной, въ «Гостилицахъ», близъ Петергофа, куда и отецъ переѣхалъ со своимъ хоромъ. Передъ переѣздомъ туда, онъ писалъ женѣ:

«Дорогой ангелъ! Издержки на содержаніе пѣвчихъ, которые необходимо должны остаться до 1-го августа, становятся слишкомъ велики, и я рѣшаюсь переселиться на лѣто въ «Гостилицы». Для исполненія этого намѣренія я посылаю Степана въ «Гостилицы», чтобъ найдти въ селѣ четыре избы для дѣтей (пѣвчихъ) и одну для меня, и сдѣлать заготовленіе провизіи. Прошу тебя поговорить объ этомъ съ тетушкой Потемкиной и особенно дать ей понять, что все это будетъ на мой счетъ, потому что я не хочу, чтобъ предположили во мнѣ желаніе «жить на хлѣбахъ» со всѣми пѣвчими; и потомъ, такъ какъ въ продолженіе лѣта я долженъ буду нѣсколько разъ бывать въ Петербургѣ съ моими пѣвчими, то удобнѣе въ одинъ разъ переселиться, чѣмъ дѣлать эти издержки. 15-го числа будущаго мѣсяца мы будемъ въ «Гостилицахъ» и въ продолженіе всего лѣта будемъ пѣть маленькимъ хоромъ всенощныя и обѣдни въ церкви «Гостилицы»; я надѣюсь этимъ сдѣлать удовольствіе тетушкѣ и дядѣ. Для себя я ничего не прошу: ни комнаты даже, въ виду того, что предстоитъ большая работа, и слѣдовательно, я буду жить на селѣ съ пѣвчими. Ко мнѣ придираются въ Салтыкахъ; я уѣзжаю завтра, чтобъ къ 10-му быть назадъ. О томъ, что касается нашихъ дѣлъ — помолись и пошли письмо къ государю. Цѣлую тебя съ безграничной любовью, которую къ тебѣ питаю. Твой другъ Юрій».

Мать, соскучившись по насъ, вернулась въ Огарево, отецъ оставался до осени въ Гостилицахъ; хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ: продажа хора не состоялась, мѣсто директора капеллы или театровъ онъ не получилъ, хоръ распустилъ, и разстроенный и недовольный уѣхалъ опять за границу.

Тамъ, какъ я уже говорила [1]), онъ нѣсколько разъ видѣлся съ Герценомъ и завелъ съ нимъ переписку, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе правительства. Почти одновременно съ этимъ дѣдушка мой, князь Николай Борисовичъ Голицинъ, воспитанный іезуитами, былъ въ душѣ католикъ и написалъ статью противъ православія. Онъ прочиталъ ее Андрею Николаевичу Муравьеву, который, возмущенный ею, сказалъ дѣдушкѣ:

— Писать вамъ, князь, никто запретить не можетъ, но знайте, что если вы напечатаете эту статью—я васъ выдамъ.

Когда отецъ мой уѣзжалъ въ Лейпцигъ, дѣдушка далъ ему свою статью, прося отдать тамъ ее напечатать. Будучи человѣкомъ очень религіознымъ, князь Юрій Николаевичъ никогда бы не напечаталъ подобной статьи, но, не поинтересовавшись ея содержаніемъ, онъ исполнилъ просьбу своего отца. Когда статья эта появилась и произвела боль-

---

[1]) См. «Рус. Стар.» 1897 г., № 4, стр. 177.

шое впечатлѣніе въ Петербургѣ, Андрей Николаевичъ Муравьевъ исполнилъ свое слово и выдалъ автора! Вслѣдъ за тѣмъ узнали, что виновникомъ ея появленія былъ князь Юрій Голицинъ, и императрица Марія Александровна приказала уволить его отъ службы по своему вѣдомству. Съ увольненіемъ въ отставку, отецъ мой лишился званія камергера, поселился въ г. Козловѣ, Тамбовской губерніи, и былъ отданъ подъ присмотръ полиціи. Въ Козловѣ онъ жилъ исключительно музыкою.

Воспользовавшись разлукой князя съ семьей и его опальнымъ положеніемъ, нашлись люди, которые, подъ личиной любви и преданности, вошли въ дружбу къ отцу моему и овладѣли его сердцемъ. Онъ же не умѣлъ любить тихо—буря поднялась снова, и угасшія увлеченія съ новой силой забушевали!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

